

А. И. МАЗУНИН

Возможный автор Повести о боярыне Морозовой

Вопрос об авторе Повести о боярыне Морозовой до сих пор остается неясным. Все попытки (правда, немногочисленные) установить личность автора произведения пока не дали удовлетворительных результатов. Тем не менее в работах дореволюционных исследователей стали намечаться среда и круг лиц, которые могли быть причастны к созданию произведения о боярыне Ф. П. Морозовой.

Н. С. Тихонравов считал, что Повесть была написана одним из «влиятельных староверов», близко знавшим Морозову и хорошо осведомленным о положении дел в Москве и при царском дворе.¹ И. Е. Забелин называл автором Повести «большого брата», посетившего Морозову в боровском заточении, не разъясняя, однако, кого, по его мнению, следует здесь подразумевать.² Н. И. Субботин одно время был склонен считать автором Повести «большого», т. е. старшего, брата Ф. П. Морозовой Федора Соковнина,³ но позднее отказался от этого мнения, поскольку убедился, что Ф. П. Соковнина в период боровского заточения его сестер не было в Москве.⁴ Отказавшись от попытки установить личность автора, Н. И. Субботин пришел к выводу, что хотя автор Повести о Морозовой неизвестен, но «несомненно, что это был не только современник, но и участник описываемых в сочинении событий, лицо очень близкое к трем заключенным в Боровске», «преданное им».⁵

Отношение И. Е. Забелина и Н. И. Субботина к вопросу об авторе Повести о Морозовой сохранил Я. Л. Барсков. Не делая новых попыток установить конкретно личность автора, Я. Л. Барсков наметил ряд лиц, которых можно подразумевать под условным именем «большого брата». «В Житии боярыни сказано, что ее навещил в Боровске брат „большой“, неизвестно, однако, чей брат: Федосьи ли Прокофьевны или старицы Мелании; этого посетителя можно считать автором жития. . . Двоюродным братом приходился Морозовой боярин Федор Михайлович Ртищев».⁶ М. О. Скрипиль вопроса о личности автора произведения не ставил, огра-

---

¹ Н. С. Тихонравов. Боярыня Морозова. (Эпизод из истории русского раскола).— Русский вестник, 1865, т. 59, № 9, с. 5—6.

² И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. М., 1872, с. 111.

³ Н. И. Субботин. Новые опыты искажения глаголемыми старообрядцами памятников старинной письменности.— Братское слово, 1886, т. 1, № 3, с. 231.

⁴ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые под ред. Н. И. Субботина, т. VIII. М., 1887, с. XV, примеч. 1 (далее: Материалы).

⁵ Там же, с. XV.

⁶ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 299.

ничившись повторением того, что автор «лично посетил сестер в „земляной тюрьме“ в Боровске».⁷

Таков был ограниченный, преимущественно родственный боярыне круг лиц, среди которых исследователи искали автора Повести о Морозовой.

Предположение об авторстве «большого» (старшего) брата Ф. П. Морозовой Федора Соковнина приходится окончательно и навсегда оставить: с 1672-го по май 1675 г. Ф. П. Соковнин был чугуевским воеводой и не мог в январе 1675 г. навещать своих сестер в Боровске. Двоюродный брат Ф. П. Морозовой боярин Ф. М. Ртищев умер 21 июня 1673 г.⁸ и не мог описывать события 1674—1675 гг. О брате или братьях старицы Мелании нет никаких исторических сведений, неизвестно даже, существовали ли они вообще.

Таким образом, прямых сведений об авторе Повести о Морозовой у исследователей не имеется. Какие же косвенные данные о личности автора можно получить на основании текста произведения?

Прежде всего несомненно, что Повесть о Морозовой писал москвич, хорошо знакомый с городом. Топографические названия даются им в полном соответствии с теми наименованиями, которые существовали в XVII в.: Пожар — Красная площадь, Болото — Болотная площадь, Хамовники — Константиновская Хамовная слобода. В Повести названы московские монастыри Чудовский, Новодевичий, Алексеевский, Андронов; неоднократно упоминается под своим старым названием подворье Псково-Печерского монастыря, еще в начале 1670 г. перешедшее в ведение Приказа тайных дел; названы находившиеся на территории Московского Кремля Грановитая палата, Вселенские палаты Кремлевского Чудова монастыря, царские переходы во дворце, Стрелецкий приказ.

Никто из исследователей не обратил внимания на то обстоятельство, что автор хорошо знаком с расположением помещений и обстановкой в доме Ф. П. Морозовой. Игумен Досифей причащал Морозову со «спутницами» «во Иванове горенке». Во дворе боярыни «во второй час ночи отворишася врата болшия»; Морозова «возляже на пуховик свой. . . близ иконы Богородицы Федоровския». Княгиня Евдокия ушла «в чюлан, иже устроен в той же постельной», в чюлане «не бе света». Сын боярыни Иван Глебович проводил мать «до среднего крыльца». Взятых под стражу Морозову и Урусову посадили в доме боярыни «в людские хоромы, в подклет»; после первого допроса посадили «в той же подклет». Золото бояр Морозовых, обнаруженное при обыске, было замуровано в стену («в стене задано»).

Ни у кого из исследователей не вызывал сомнения факт личного посещения боровских заключенных автором Повести о Морозовой, скрывшим себя под условным обозначением «большой брат». Но оказывается также, что этот же «большой брат» находился в московском доме боярыни при взятии под стражу Морозовой и Урусовой в ночь на 16 ноября 1671 г. Это видно по тем деталям, которые мог заметить только непосредственный свидетель события. «Думный же Иларион Иванов ступи в чюлан и не бе в чюлане света. . . он же яко устрашився и яко опаляем, вспять вьскочи». Присутствующий здесь же черный дьякон Иоасаф «стояше вне, у дверей». Морозову слуги ее на «креслах» «несоша на низ». Иван Глебович поклонился матери «созади, она и не видяци его».

По нашему мнению, все отмеченные детали мог заметить и записать только человек, который не впервые и не случайно оказался в доме Моро-

⁷ См.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 330.

⁸ И. П. Козловский. Ф. М. Ртищев. Историко-библиографическое исследование. Киев, 1906, с. 36.

зовой в момент ее ареста в ночь на 16 ноября 1671 г. Если бы известия об аресте Морозовой были получены из вторых рук, то текст не содержал бы таких деталей.

Как хорошо известных ему лиц называет автор служанок и слуг Морозовой: Ксению Иванову, Анну Соболеву, Анну Амосову, Стефаниду Гневу, слугу Ивана, прятавшего драгоценности боярыни и сожженного в июле 1675 г. в Боровске. Эти люди хорошо известны по историческим документам, а также посланиям и письмам протопопа Аввакума в Москву. В Повести названы также лица, близкие к Морозовой и Урусовой в последний период их жизни, — «господская дочь» Акилина, добровольно служившая Е. П. Урусовой в Алексеевском монастыре, постригшаяся «последи» с именем Анисии; девица Мария; старица Елена, навещавшая заключенную на Печерском подворье, затем в Новодевичьем монастыре, в Хамовниках и Боровске.

Автор почтительно пишет о посещавших в разное время Морозову в ее доме или в местах заключения видных деятелях начального периода старообрядчества — «о священнопротопопе» Аввакуме, «страдальце» Трифилии — иноке Симонова монастыря, казненном за раскол, об «отце христолюбце» Досифее, «преподобном отце» Иове Льговском.

В письме к «духовной матери» Мелании Ф. П. Морозова просила навестить ее в Боровске «в остатошное», так как в конце 1674 г. среди боровских заключенных распространился слух о грядущих казнях старообрядцев. «Молит же взяти ей с собою и болшого брата». ⁹ В обществе Родиона, Мелании, Елены «большой брат» навестил боровских заключенных 10—12 января 1675 г. ¹⁰ Автор («большой брат») записал все, что видел и слышал во время свидания с заключенными в боровском остроге («... аз же видел сие и слышах»). Присутствуя при прощании старицы Мелании с узницами, «большой брат» запомнил наставления Мелании своим «духовным дочерям»: «Се бо аз вижду, яко связастеся юзами брани бесовския и аще, рече, не свободитеся юз сих, то не помогут вам и сии юзы железныя, их же носите Христа ради». ¹¹

Не являясь родственником Ф. П. Морозовой, автор, как нам кажется, сам не принадлежит к привилегированному сословию: он постоянно отмечает боярское звание Морозовой, «княжество» Урусовой, дворянство Даниловой. Но особенно почтительно относится автор к Морозовой, именуя ее «великая», «блаженная», «святая».

Итак, нам представляется, что автор Повести — москвич, человек незнатный, «хорошо знакомый с положением дел в Москве и при царском дворе», ¹² «участник описываемых в сочинении событий, лицо очень близкое к трем заключенным... питавшее, особенно к Морозовой, великое благоговение». ¹³ Автор хорошо знаком с расположением помещений и об-

⁹ Материалы, т. VIII, с. 192.

¹⁰ См.: А. И. М а з у н и и. Повесть о боярыне Морозовой. (Памятник русской литературы XVII в.). Автореф. канд. дис. Л., 1965, с. 11. Проникнуть в боровский острог москвичи-старообрядцы смогли благодаря содействию стрелецких сотников, несших охрану острога. 9 июля 1675 (1675) г. по царскому указу «сотников московских стрельцов Ивашка Чичагова, Александрика Медвенского за воровство и неосторожность, что они на караулах стояли оплошно и его государев указ не исполняли, сослать в Белгород в солдаты на вечное житье з женами и з детьми» (ЦГАДА, Разрядный приказ, ф. 210. Белгородский стол, стб. 813, л. 170—170 об.). По свидетельству автора Повести о Морозовой, основная вина пала на одного из сотников: «Тогда и той сотник, при котором мы были (10—12 января 1675 г., — А. М.), виноватый у них стал. Александр Сазонов сын Медведевской, и биец бысть, и солдатом рядовым учинен и сослан бе на Бел-город» (Материалы, т. VIII, с. 194).

¹¹ Материалы, т. VIII, с. 193.

¹² Н. С. Т и х о н р а в о в. Боярыня Морозова, с. 6.

¹³ Материалы, т. VIII, с. XV.

становкой дома Ф. П. Морозовой, знает по именам слуг и служанок боярыни и близких ей лиц, присутствовал при аресте Морозовой в ее доме в ночь на 16 ноября 1671 г., тайно посетил боровских заключенных 10—12 января 1675 г. Из соображений конспирации в период репрессий против старообрядцев в 70-е гг. XVII в. автор был известен определенному кругу под условным именем «большого брата». Таковы общие сведения об авторе Повести о Морозовой, которые можно получить при чтении текста старшей, Пространной редакции произведения.

Нам представляется естественным начать поиски автора среди людей близких, но не родственных Морозовой, среди лиц, окружавших боярыню в последний период ее жизни.

Протопоп Аввакум в послании «горемыкам миленьким», отправленном из Пустозерска в Москву после 7 июля 1675 г. и не позже 1678 г., среди адресатов послания упоминает ряд лиц, хорошо известных по Повести о Морозовой. Это Акинфей (Данилов, муж М. Г. Даниловой), Родион — племянник Акинфея Данилова, Анна (Соболева — дворовая «жонка» Морозовой), Ксения (Иванова — казначая Морозовой), Анна Амосовна с детьми (любимая служанка Морозовой), Акилина девица (в иночестве Анисия), старицы Мелания, Елена и другие из «тысящи». Среди перечисленных лиц на одном из первых мест, вслед за Акинфеем Даниловым и его племянником Родионом, следует не упоминаемый в Повести «Андрей брат и сестра Марья Исаии сожженного».¹⁴

Из свидетельства Аввакума выясняется, что у сожженного в Москве в конце 60-х гг. Исаии, дворецкого боярина П. М. Салтыкова, были брат Андрей и сестра Мария. Исаии принадлежала видная роль в начальной истории старообрядчества.¹⁵ «Добродетели» Исаии высоко ценил инок Авраамий;¹⁶ Исаии посвящена одна из глав «Винограда Российского». Соответственно положению Исаии известную роль в жизни московской старообрядческой общины в 60—70-х гг. должен был играть его брат Андрей — недаром Аввакум называет его на одном из первых мест среди других «горемык миленьких».

Известно, что дворецким боярыни Ф. П. Морозовой перед ее арестом был Андрей.¹⁷ Андрей, брат «Исаии сожженного», и дворецкий Морозовой Андрей — не одно ли это лицо? Дворецкий Морозовой и мог быть, по нашему мнению, автором Повести о боярыне Морозовой. Конспиративное, условное имя «большой брат» дворецкий мог получить или по родству с Исаией (тот был его младшим братом) или по месту, которое он занимал в московской общине. Во всяком случае выражение «большой брат» было понятно кругу посвященных и первым читателям Повести о Морозовой — московским старообрядцам, пустозерским «страдальцам».¹⁸ Сестра Андрея Марья, вероятно, и есть та «Мария девица», которая навестила заключенную на Печерском подворье боярыню и известила ее о выздоровлении Мелании.¹⁹

¹⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., ГИХЛ, 1960, с. 244.

¹⁵ П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, с. СХVI.

¹⁶ Материалы, т. VII, 1885, с. 262—263.

¹⁷ См.: Отрывок из дела о расколниках, находившихся в доме боярыни Ф. П. Морозовой. — В кн.: Я. Л. Барсков. Памятники. . . , с. 52.

¹⁸ Дьякон Федор в послании из Пустозерска, отправленном после мая 1677 г., упоминает о существовании описания мучений Ф. П. Морозовой, сделанных «в нынешнее время» (Я. Л. Барсков. Памятники. . . , с. 154—156). Возможно, пустозерские узники благословили «верных» на переписку Повести о Морозовой. Интересно, что наиболее полные списки Пространной редакции Повести северного происхождения. В Поволжье имела распространение более поздняя, сокращенная редакция.

¹⁹ Я. Л. Барсков. Памятники. . . , с. 311.

С уверенностью отождествить брата Исаии Андрея и Андрея — дворецкого Морозовой мы не имеем возможности за отсутствием документов. Однако наше предположение о том, что автором Повести о Морозовой является дворецкий боярыни Андрей, не противоречит тем косвенным данным, которыми мы располагаем об авторе Повести о Морозовой.

Дворецкий — москвич. Как непосредственный свидетель, Андрей мог присутствовать при аресте Морозовой и Урусовой; сведения о допросах, о пытках боярыни он мог получить от нее лично, от слуг, сочувствовавших заключенным охранников, стрельцов и т. д. Содержание царских указов и распоряжений относительно Морозовой дворецкий мог узнавать от родственников боярыни, чиновных и должностных лиц, занимавших высокие посты при царском дворе, тайно сочувствовавших старообрядчеству или своей родственнице. Дворецкий знал посетителей дома Ф. П. Морозовой — ее деверя Б. И. Морозова, ее дядю М. А. Ртищева, двоюродную сестру боярыни Анну Вельяминову, беседовавших или споривших о вопросах веры с боярыней. Дворецкий мог лично знать Аввакума, Досифея, Трифилия, Иова Львовского и других деятелей начального периода старообрядчества, о которых он упоминает в Повести о Морозовой. Дворецкий знал слуг и служанок Морозовой, монахинь, стариц, юродивых, живших в ее доме; ему было известно и о спрятанном в стене дома золоте, о любимых иконах боярыни — Федоровской Богоматери, Богородицы Одигитрии, об иконах, «на 4-х малых дсках воображенных», отобранных у боярыни в боровской тюрьме. Просьба Морозовой к «большому брату» посетить ее «в остатокное» в Боровске может быть объяснена и намерением боярыни отдать последние распоряжения своему дворецкому относительно имущества, оставшегося от разоренного дома.

По уменьшающейся детализации описаний можно установить, что дворецкий Андрей в период репрессий сам вынужден был скрываться и мог лишь тайно посетить Морозову в местах ее заточения (вероятно, в Хамовниках осенью 1673 г. и в Боровске в январе 1675 г.).

Если принять предложенную нами точку зрения по вопросу о личности автора Повести о Морозовой, то становятся понятными многие особенности произведения, которые ранее объяснить не удавалось. Однако сведения о личности дворецкого Андрея слишком скудны, поэтому наша атрибуция — всего лишь гипотеза.